

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

НИКОЛАЙ
НЕКРАСОВ

Русские женщины

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
Н48

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты работ художников
Людовики Симановиц и Ивана Айвазовского

Н48 Некрасов, Николай Алексеевич.
Русские женщины : поэмы и стихотворения / Ни-
колай Некрасов. — Москва : Эксмо, 2024. — 192 с. —
(Всемирная литература (с картинкой)).

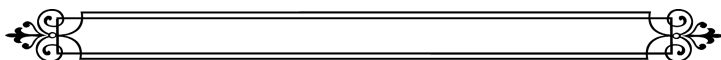
ISBN 978-5-04-187297-7

«Русские женщины» — это сборник поэм и стихотворе-
ний Николая Некрасова, классика русской поэзии, по праву
занявшего одно из центральных мест на русском поэтическом
олимпе. В настоящее издание включены одни из наиболее
важных гражданских поэм Николая Алексеевича — «Русские
женщины», «Тишина» и «Мороз, Красный нос», а также сти-
хотворения на общественно-политические темы, не теряющие
своей актуальности и сегодня.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-187297-7

© Ан. Тит., предисловие, 2024
© Данилова А.П., составление, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В стихотворении «Поэт и гражданин», явившемся предисловием к первому сборнику Николая Некрасова «Стихотворения» (1856), поэт эксплицитно выразил программу собственного творчества:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Сейчас мы знаем Некрасова как одного из первых российских поэтов, которые открыто и ярко заговорили о социальных проблемах своего времени.

Однако для современников Некрасов был скорее успешным предпринимателем и одной из центральных фигур литературного процесса. Живя в Петербурге в начале 1840-х, начиная с юмористических стихов и заметок в «Литературной газете», Некрасов уже к середине сороковых выпустил два альманаха, которые стали ярчайшим примером натуральной школы в русской литературе — «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846).

Следующие десятилетия Некрасов был одним из выдающихся издателей толстых журналов — новой формы производства и распространения литературы. Выкупив у Петра Плетнева созданный еще Александром Пушкиным журнал «Современник», Некрасов сделал его самым успешным на литературной арене своего времени.

Совладельцами журнала на ранних этапах были Александр Никитенко и Иван Панаев, чьи деньги послужили основным капиталом при покупке журнала. Позже в «Современнике» работали Николай Чернышевский и Михаил Салтыков-Щедрин, а издавались в нем такие произведения, как «Детство», «Отрочество», «Юность», «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова, «Рудин» и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева. «Современник» в числе прочего печатал статьи на самые актуальные темы, поэтому вовлеченность Некрасова в социально-политический контекст присутствовала и в его редакторской работе. Среди современников Некрасов прослыл эксплуататором писателей и человеком, наживавшемся на чужом таланте. Однако благодаря исследованиям Михаила Макеева известно, что издание «Современника» требовало большого количества вложений, и Некрасов выпускал журнал себе в убыток.

Некрасов сочувствовал «нигилистам» и поддержал разночинцев Чернышевского и Добролюбова в конфликте с умеренно-либеральными дворянами Тургеневым и Дружининым. Политические симпатии Некрасова также были на стороне более молодого поколения, несмотря на дворянские привычки и попытки найти некоторый компромисс со властью, что иногда позволяло Некрасову добиваться своих целей.

Благодаря издательской деятельности, Некрасов был активно включен как в литературный, так и в социально-политический процессы своего времени. Неудивительно, что Некрасов явился певцом тоски и скорбей русского народа. В настоящий сборник, носящий название одноименной поэмы «Русские женщины», вошли четыре поэмы Некрасова, с разных сторон затрагивающие социально значимые вопросы и события российской истории в эпоху Великих реформ. Поэмы написаны в период с 1857 («Тишина») по 1872 («Русские женщи-

ны») год — эпоху правления императора Александра II, означенную глобальным реформированием социально-политического устройства Российской империи. Поэзия Некрасова, основанная на описании несчастий другого, внимании к социальной несправедливости и проблемам страны, оказалась востребована в обстановке пристального внимания образованного класса к социальным проблемам.

ТИШИНА И КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

К 1850-м гг. Российская империя находилась в сложном социально-экономическом положении. Политика императора Николая I, стремящаяся укрепить феодальную модель экономических отношений, привела к сильнейшему отставанию страны в области промышленности, а производительность крестьянского труда оказалась слишком низкой, чтобы обеспечить продовольствием Крымскую военную кампанию (1853—1855 гг.). Поражение в Крымской войне стало в таких условиях последней каплей, переполнившей чашу терпения общественности, что привело к кризису дворянского государства и активному пересмотру в кругах образованных людей путей развития страны, а смерть Николая I в год поражения была воспринята обществом как символическое начало открытой дискуссии на социально значимые темы.

Опыт Крымской войны нашел отражение в третьей главе поэмы Некрасова «Тишина», вошедшей в настоящий сборник. Поэма впервые опубликована в 1857 г. в журнале «Современник», руководителями которого вместе с Некрасовым были Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Читатели отмечали новое звучание поэмы, отличное от предшествующих текстов Некрасова: призывы к смирению казались тогда несвойственными ироничному и в некотором роде желчному Некрасо-

ву, выставяющему напоказ все язвы общества. Главным героем поэмы выступает собирательный образ народа, основной чертой которого оказывается христианское смирение и непротivление злу. Православная образность, как кажется, регулярно сопровождает стихотворения Некрасова, посвященные крестьянству и народу (см., например, стихотворение «Влас» 1855 г.), однако для современников обилие христианской символики в «Тишине» оказалось неожиданным. Так А. И. Герцен в письме И. С. Тургеневу писал: «Видел ли ты, что Некрасов обратился в православие? Магдалинится молодой человек».

В христианском смирении находит Некрасов путь не только для русского народа, опозоренного сдачей Севастополя, но и для себя лично. В письме к И. С. Тургеневу от 30 июня 1857 года Некрасов писал: «...есть предел всякой силе. Право, и у меня ее было довольно. Никогда я не думал, что так сломясь душевно, а сломился. <...> Горе, стыд, тьма и безумие — этими словами я еще не совсем полно обозначу мое душевное состояние»¹. В письме речь идет об осложнениях во взаимоотношениях Некрасова с Авдотьей Панаевой, с которой у поэта долгое время была романтическая связь. Так в поэме «Тишина» христианские образы помогают Некрасову справиться с тревогой как национального, так и личного масштаба.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Поражение в Крымской войне и смерть Николая I в 1855 г. изменили политическую ситуацию в Российской империи. На престол взошел император Александр

¹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 14, кн. 2. Письма. 1856–1862 / подгот. текста и коммент. О. Б. Алексеева и др.; ред. Б. В. Мельгунов. СПб.: Наука, 1999. С. 79.

II, была пересмотрена система политических возможностей как отдельных граждан, так и социальных движений, которые начали формироваться именно в этот период. Открытая критика рабства, экономической отсталости страны, патриархального и феодального уклада выдвинули на повестку дня вопрос о крепостном праве. Тяжесть положения российского крестьянства к этому периоду нельзя переоценить — в первой половине XIX в. количество крестьянских наделов резко сокращалось, а объем податей и повинностей лишь рос. Крепостное население страны в 1858–1859 гг. составляло 22,6 млн человек обоих полов. В результате длительной общественной дискуссии в 1861 г. крепостное право в Российской империи было упразднено. Однако получив личные свободы, крестьяне не могли иметь в собственности землю, так как были объединены в общины (иначе сельские общности), в которых происходило перераспределение земли, взятой в аренду у помещиков (за нее крестьяне платили барщину). Дворовые крепостные были освобождены без получения какого бы то ни было имущества (при этом в течение двух лет они оставались в полной зависимости от помещика). К концу века подобные полумеры привели к аграрному перенаселению (ситуация в которой количество крестьян увеличилось, а количество обрабатываемой ими земли нет, из-за чего крестьяне не могли прокормить себя и свои семьи) и к колоссальному напряжению в деревне, которое снизилось лишь во время столыпинских реформ, благодаря которым крестьяне получили право выхода из общины и возможность приобретения земли в частную собственность.

Некрасов, выступавший, как и его коллеги по «Современнику» (Добролюбов и Чернышевский), за «землю и волю» для крестьян (то есть за предоставление крепостным земли в частную собственность), был крайне разочарован содержанием императорского манифеста

от 19 февраля 1961 г. Чернышевский в своих «Заметках» о Некрасове так описывал реакцию поэта на опубликованный в газете манифест:

«В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова. Он, по обыкновению, пил чай в постели. Он был, разумеется, еще один; кроме меня редко кто приходил так (по его распределению времени) рано. Для того я и приходил в это время, чтобы не было мешающих говорить о журнальных делах. — Итак, я вхожу. Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: “Так вот что такое эта ‘воля’. Вот что такое она!” — Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: “А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это”. — “Нет, этого я не ожидал”, — отвечал он и стал говорить, что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения»¹.

Для «Современника» 1861 год стал временем «бури и натиска». Активная печать нелегальных материалов, арест М.Л. Михайлова — руководителя иностранного отдела журнала — и В.А. Обручева — гвардейского офицера, сотрудничавшего с изданием — за распространение революционных прокламаций, создание «Земли

¹ Чернышевский Н.Г. Заметки о Некрасове // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1939. С. 747.

и воли» — тайной организации, идейным вдохновителем которой был Чернышевский и о создании которой Некрасов вряд ли мог не знать. Позже — болезнь и скорая смерть Н. А. Добролюбова, И. И. Панаева (соредактора Некрасова по журналу), арест Чернышевского и заключение его в Петропавловской крепости. Как итог, в середине июня по «высочайшему повелению» выпуск «Современника» был запрещен на восемь месяцев за «вредное направление», а позже, в 1866 г. после покушения на императора, журнал был закрыт навсегда.

1860-е годы станут для самого Некрасова временем поэм о крестьянской жизни, первыми из которых будут «Коробейники» — наиболее острая реакция поэта на «решение» крестьянского вопроса, сначала столь радостно принятого в либерально-демократических кругах — а венцом этого условного цикла станет поэма «Кому на Руси жить хорошо». В это же время Некрасов начинает серию «Красных книжек» — произведений Некрасова, которые распространялись среди народа по цене в 3 копейки, из которых сам Некрасов не получал ничего. Первой книгой в этой серии как раз стали «Коробейники».

Другим текстом в череде поэм о крестьянской жизни стала поэма «Мороз, Красный нос», первые наброски которой датируются осенью 1862 г., первая публикация в журнале «Время» — 1863 г., а итоговый текст в «Современнике» — 1864 г. По словам писателя П. Д. Боборыкина, на вечере Литературного фонда Некрасов заявил, что «его новое произведение не имеет никакой тенденции, почему он и просит слушателей не подозревать в нем никакой задней мысли, другими словами, никакого служения направлению. Мне хотелось, — сказал г. Некрасов, — написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей крестьянской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо «если они не найдут в моей поэме того, что я за-

думал, они ничего в ней не найдут»¹. Тенденцией Некрасов называет здесь изображение крестьянской жизни исключительно в мрачных тонах.

Нельзя сказать, что поэма «Мороз, Красный нос» лишена оптимистичных картин крестьянского быта (например, сны и воспоминания Дарьи, связанные с семьей и крестьянским трудом, проникнуты огромным восхищением и теплотой), но тем не менее общая тематическая и образная канва поэмы — горе, потери, скорби, тяжелый труд и тотальность смерти. Поэма делится на две части: в первой описываются похороны Прокла Севастьяныча, а во второй его жена Дарья едет за дровами после похорон и замерзает насмерть в лесу. Обе части объединены не только размышлениями поэта о «скорбной доле» крестьянки, но и схожими художественными приемами (например, антитеза реального или воображаемого прошлого, связанного с периодом летней жатвы и настоящего зимнего пейзажа, проникнутого образами смерти). Важной является для Некрасова связь Дарьи с православной культурой, которая выражается в ее походе за иконой, имеющей целебную силу, и с природой, что выражено не только ее смертью, замерзанием в лесной глуши, но и в эпизоде начала поэмы, когда Дарья сравнивается с колосом («Слеза за слезой упадет // На быстрые руки твои. // Так колос беззвучно роняет // Созревшие зерна свои...»).

Композиционно разделены в поэме пространства публичного и приватного: если в первой части поэмы присутствует обобщенный образ народа, который наблюдает за горем Дарьи и ее домочадцев, оценивает, выносит суждения о будущем, то вторая часть поэмы — в лесу — образует пространство скорби, где Дарья находит уединение и может позволить себе излить душу, поговорить с покойником и обрести покой (в прямом

¹ Библиотека для чтения. 1864. Т. 2. С. 68.

и переносном смысле). Подобное противопоставление обнаруживает себя также в описании коллективного обряда скорби — похорон — и индивидуального процесса проживания горя, что позволяет Некрасову обратить внимание читателя на противоречие в восприятии крестьянства как единого целого, общинной сущности, подчеркивая возможность искреннего переживания утраты лишь в уединении и одиночестве:

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

При этом начало поэмы делает судьбу Дарьи более типичной, чем исключительной, что позволяет Некрасову через описание индивидуального поднимать вопросы о жизни крестьян в целом. Эта черта поэтики Некрасова была сформирована еще на этапе работы над альманахами «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». В центре поэмы находится не просто героиня, но характер, олицетворяющий, по Чернышевскому (см. «Эстетические отношения искусства к действительности»), народное представление о прекрасном — о красоте труда, трудолюбия, смирения. Вместе с фольклорной эстетикой, заданной не только приметам, плачами, народными способами лечения больного, но и образом Мороза, это позволяет поэме обрести позитивное звучание и эпическую перспективу, в противовес тяготеющей к трагизму фабуле.

Современная Некрасову критика отнеслась к поэме двояко. Признавая ее художественные заслуги, одни прочитывали ее как «беспощадную иронию», «злейшее отрицание» и «положительнейший nihil» (Н. М. Павлов, обозреватель славянофильской газеты «День»), другие говорили о созданном Некрасовым «высоком идеале» (речь шла о втором сне Дарьи), который сподвигает ли-

рического героя на столь сильный протест против угнетения крестьян (В. А. Зайцев, газета «Русское слово»), третьи обвиняли Некрасова в романтизации крестьянского быта и нереалистичности изображаемых им картин (Н. Н. Страхов, журнал «Эпоха»). Спор современников быстро перешел от содержания самой поэмы к более широкому кругу вопросов, касающихся послереформенной жизни крестьян, что в очередной раз подчеркивает, насколько плотно вплетены тексты Некрасова в актуальный социополитический контекст своего времени.

МИФ О ДЕКАБРИСТАХ И ПОЭМЫ 1870-х

Для разговора о поэмах, написанных Некрасовым в 1870-е гг., вернемся немного назад. 26 августа (7 сентября) 1856 г. состоялась коронация Александра II, а уже в 1856 г. новоиспеченный правитель подписал амнистию декабристов (а также участников польского восстания 1830–1831 гг. и петрашевцев). На пороге Великих реформ сочувствие декабристам в среде либерально- и революционно-демократически настроенной интеллигенции лишь росло (хотя еще с событий на Сенатской площади декабристы в сознании многих являлись борцами за свободу, романтическими узниками и страдальцами). Временное смягчение цензурных ограничений в этот же период позволило выйти различным мемуарам декабристов и их жен (материалы декабристов публиковались, например, в журналах «Русский архив» (с 1863 г.) и «Русская старина» (с 1870 г.), а произведения слишком радикального характера печатались за границей при активной поддержке Александра Герцена.

Для формирующейся политической жизни и в особенности для радикально настроенных сообществ, в которые входил и Некрасов, амнистия стала знаменательным событием по нескольким причинам. Во-первых,

она лишь усилила ощущение надвигающихся перемен, расположила общественность по отношению к новому императору. А во-вторых, декабристы стали основой мифологии общественных движений, а символическая ценность подобного капитала очень высока (свою генеалогию к декабристам возводили практически все движения: от эсеров и народовольцев до умеренных либералов и реформаторов). Последующее разочарование, связанное с полумерами, выданными за «освобождение» крестьян, усилением цензуры и нарастающими репрессиями, не прошло бесследно для популярности императора, и еще сильнее подогрело общественный интерес к фигурам, открыто протестовавшим против самодержавия. Общественное мнение по вопросу декабристского восстания было однозначным — декабристы стали героями для новых поколений революционеров и реформаторов (негативное отношение к ним было лишь в радикально правом крыле).

Не осталась в стороне и художественная литература, сыгравшая, как кажется, более значительную роль в формировании мифа о декабристах, чем их собственные мемуары, окружив действия восставших 14 декабря и их семей героическим и романтическим ореолом.

В настоящий сборник вошли две поэмы, посвященные декабристам. Более ранняя из них — «Дедушка» (1870) — была написана Некрасовым под впечатлением от знакомства с сыном Сергея и Марии Волконских — Михаилом Волконским (в этот период Некрасов уже арендовал у Андрея Краевского «Отечественные записки», где впервые публикуется поэма). Воспоминания сына декабриста, рожденного в ссылке, и «Записки декабриста» Андрея Розена послужили источниками для поэмы. Из «Записок...» Некрасов, в частности, почерпнул историю села Тарбагатай, основанного сосланными раскольниками в XVIII в. — сюжет об этом нашел свое место в поэме:

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел...
...Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!

Поэма стала одним из первых больших художественных текстов о декабристах в русской литературе, хотя и не первым текстом о них в творчестве Некрасова (о сосланных в Сибирь поэт упоминал еще в поэме «Несчастные», 1856). В тексте особенно остро звучит тема преемственности революционного движения в России, что задает рамку мифа о декабристах, которую, в частности, присвоит и большевистское движение начала XX века. В поэме также находят отражение актуальные вопросы 1870-х гг. — цели и способы революции, итоги отмены крепостного права, роль народа в исторических преобразованиях и т.д. Последняя тема, как можно заметить, перекликается с поэмой «Тишина»: есть в поэме и сам мотив тишины, однако звучащий более зловеще и тревожно, когда все члены семьи скрывают от Саши участие деда в восстании на Сенатской площади.

Тем не менее одним из самых значительных произведений, посвященных декабристам, стала поэма Некрасова «Русские женщины», сюжет которой строится вокруг судеб двух жен декабристов — Екатерины Трубецкой и Марии Волконской, — которые отправились вслед за мужьями в Сибирь. Поэма разделена на две части. Изначально части поэмы выходили в печать как самостоятельные тексты, однако задумка Некрасова включала в себя также написание третьего раздела «Русских женщин», посвященного жизни декабристов и их жен в ссылке. Главной героиней будущей поэмы Некрасов

планировал сделать Александру Григорьевну Муравьеву, которая скончалась в Сибири, так и не дождавшись амнистии. Некрасов также много размышлял над формой для третьей части: в письме к А. Н. Островскому он говорил, что третья часть «укладывается... в драму!», но что он стремится обойти стороной подобное формальное решение. Однако третья часть поэмы так и не была написана.

Увидевшие же свет в 1871 и 1872 годах первая и вторая части не менее интересны с формальной точки зрения. В «Княгине Трубецкой» мы можем найти элементы драматического текста (разговор княгини и губернатора в финале), но центральным формальным решением является мотив пути, который соединяется с темой зимы, связанной в русской литературе с духовными (и реальными) испытаниями, судьбой, бесовским началом («Капитанская дочка», «Бесы» А. С. Пушкина, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и др.), а в творчестве самого Некрасова, как видно из поэмы «Мороз, Красный нос», с трагическим в народной жизни. При этом сохраняется также контраст, который мы уже видели в поэме «Мороз, Красный нос» — зима и лето маркируют счастливое и трагическое в судьбе героини, а также делают ярче различие между дворянской жизнью Трубецкой и «царством нищих и рабов», с которым сталкивается княгиня в дороге. В «Княгине Волконской» основной формальной стратегией выступает подражание эго-документу (воспоминаниям), что связано и с главным источником поэмы — воспоминаниями Марии Трубецкой, которые Некрасов имел возможность слушать и конспектировать у Михаила Волконского.

Современники Некрасова много высказывались о возвращении поэме названия «Декабристки», однако поэт, то ли страшась цензурных ограничений, то ли универсализируя тяжелую женскую долю, настоял на названии «Русские женщины». Однако в отличие от жен-

щин-крестьянок, жены декабристов выступают в поэме в некотором акте преобразования: из просто спутниц жизни — в политических субъектов, что выражено, например, в одном из диалогов княгини Трубецкой и губернатора (диалог княгини и иркутского губернатора Некрасов, вероятно, почерпнул из «Записок декабриста» Розена, хотя при работе над поэмой он обращался к широкому ряду источников):

И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!

Интересна в этом фрагменте строчка о «рабстве» женщин, которая противопоставлена решению Трубецкой разделить ссылку с мужем, преподнесенному как политическая позиция не только ее мужа, но и ее самой. В этом смысле, выстраивая повествование вокруг образов княгинь, Некрасов обращается к остро поставленному в 1860–1870-е женскому вопросу.

Кризис дворянского государства в 1859–1861 годы позволил выйти на политическую арену другой части

общества — разночинцам. Однако, если к изменению социально приемлемого поведения мужчин общество относилось хоть с каким-то пониманием, то в отношении женщин все оказывалось куда сложнее: их положение было исключительно зависимо от мужчин семьи. В этот же период огромное количество разорившихся дворянок оказываются перед вопросами элементарного выживания, так как традиционная модель решения экономических проблем — замужество — перестает срабатывать: молодые люди из дворянского сословия предпочитали повременить с женитьбой и занимались вопросами собственного социального положения, а брак с представителями других сословий все еще считался мезальянсом и порицался в обществе.

Женщина-врач в Российской империи, выпускница Женских медицинских курсов в Санкт-Петербурге Е. С. Некрасова (1847–1905) называла экономические причины главными в стремлении русских женщин взять собственную судьбу в свои руки:

«Экономические условия русской жизни и общественный переворот, совершившийся 19 февраля 1861 г., вызвали и женщину на борьбу за существование, потребовали и от нее неперемногого участия в труде. Вынужденная силой необходимости, а не модой — как казалось тогда многим, — она заявила свою готовность к приобретению одинаковых с мужчиной прав на знание и труд, заявила потребность высшего образования»¹.

Именно такие женщины, как у Некрасова (дворянки в тяжелом экономическом положении, разделявшие либеральные настроения общества), начали формировать социальную базу будущего женского движения

¹ Некрасова Е. Студентка на войне. Письма с войны 1877 года // Русская мысль. 1898. С. 808.